

ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА К ОПИСАНИЮ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

И.В. Чекулай
О.Н. Прохорова

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail:
prokhorova@bsu.edu.ru

В статье разрабатывается поиск методологических оснований структурирования ценностного и оценочного опыта языкового индивида. В частности, авторами статьи предлагается функционально-деятельностный подход к установлению онтологического и эпистемологического статуса ценностных категорий. Функционально-деятельностный подход к категоризации ценностных отношений предполагает синтез деятельности как дискретного континуума, состоящего из четырех основных частей (стимул – средства – алгоритм – достижение) и сравнения как ведущей функции оценочной квалификации действительности, также имеющей четырехзвенную структуру (антропоцентричность – инструментальность – объективированность – прогностичность). В результате определяются четыре категориально-ценностные сферы – ИНТЕРЕС – ЗНАЧИМОСТЬ – ПОРЯДОК – РЕЗУЛЬТАТ, – составляющие основания ценностных категорий сознания и тезаурусных полей лексических единиц, отражающих ценности в системе языка и речи.

Ключевые слова: концепт, оценка, ценность, оценочный концепт, категоризация.

Проблема оценки как отношения между человеком и внешним миром всегда представляла интерес для исследователей семантики языка. Можно с уверенностью заявлять, что оценочные суждения объективно являются наиболее распространенным и наиболее эффективным способом квалификации действительности, получающим экспликацию речевыми средствами. Едва ли можно сомневаться, что без изучения основных концепций и описания основных свойств и функций единиц языка и речи невозможно вывести и основные закономерности формирования ценностного опыта и порождения оценочных речевых квалификаций. Но описать их невозможно без описания тех категорий мышления, на основе которых и формируются речевые оценочные суждения. Кваликативные категории определяют сущность оценки не только как объекта философского и психологического изучения, но и как существенной стороны семантики языковых и речевых единиц. Однако для описания и для аргументации достоверности таких категорий необходимы четкие методологические основания. Таким образом, проблема оснований категориального статуса оценки как акта мышления с последующим отражением данных структур знаний и является, на наш взгляд, основной проблемой лингвистической аксиологии.

Как представляется, такие основания следует искать в концепции деятельности как основы формирования и функционирования сознания человека, равно как и аккумуляции оценочно-кваликативного опыта отдельного человека и социума в целом, а также отражения совокупности данных ментальных действий в виде единиц и структур языка и речи.

Концепция языка как основной формы отражения деятельности и в то же время как особого вида деятельности была предложена Г.П. Щедровицким. На наш взгляд,

предложенная им схема ситуации деятельности, основными компонентами которой являются цель осуществления определенного рода деятельности, предполагающая опору на знания, средства, при помощи которых реализуется данная цель, и продукт, получаемый из исходного материала, составляет методологическое основание, позволяющее моделировать любой вид деятельности, в том числе ментально-кваликативной и вербально-кваликативной [7, 169].

При всей обоснованности данных положений, по нашему мнению, в данной схеме отсутствует еще один важный компонент – алгоритм выполнения этой деятельности, т.е. определенная последовательность действий, направленных на реализацию цели в виде продукта деятельности с попутным применением средств ее реализации [6, 205].

Основной уровень оценочной категоризации выражается лексическими единицами языка. Они передают собственно базовые кваликативные концепты, которые формируются как часть социального, индивидуального и языкового опыта в результате анализа и синтеза данных о выполнении действий и деятельности различного рода. Здесь наряду с общедеятельностными категориями стимула, средств, алгоритма и результата деятельности ведущей категорией несколько иного рода – операциональной категорией мыслительной деятельности – является сравнение, которое использует указанные общедеятельностные категории в качестве собственной опоры, базы, представляя собой рычаг квалификации ситуации в целом, субъекта деятельности и их самих в качестве параметров деятельности. Это наиболее важный и в то же время наиболее сложный по своей структуре момент кваликативно-ценностной категоризации. Его важность состоит в том, что собственно на данном уровне ментальной обработки данных о внешнем мире происходит номинация основных ценностных категорий. При сравнении различных видов деятельности и действий на основе категориальных этапов (стадий, параметров) деятельности возникает их обобщение по основному параметру «приемлемость/неприемлемость интересов/средств/алгоритма/достижение окончания выполнения деятельности ее субъектом с точки зрения субъекта оценки». Таким образом, при ценностной категоризации субъект деятельности и субъект оценки обычно разграничиваются и остаются кореферентными лишь при самооценке. Поскольку субъект оценки квалифицирует и ситуацию, и деятельность, и ее субъект, то в современной лингвоаксиологии эти категории объединяются понятием «объект оценки». Это, несомненно, верно с логической точки зрения, однако это создает существенные трудности разграничения ценностных категорий.

Ценности не имеют определенного оценочного знака, потому что кореферентные объекты могут обладать положительной ценностью для одних субъектов оценки и отрицательной – для других; иными словами, с аксиологической точки зрения один и тот же объект может иметь как ценность, так и антиценность. Поэтому категориальные ценностные концепты (далее КЦК) имеют сложную двойственную природу. С одной стороны, они создаются в результате операции сравнения параметров различного рода деятельности, и для того, чтобы быть КЦК, концепт должен характеризовать все параметры деятельности. Например, концепт **«значение»** включает и интерес к совершению деятельности (раз уж деятельность имеет интерес для ее субъекта, то, с его точки зрения, она представляет определенную важность), и выбор средств и способ выполнения деятельности, т.е. ее алгоритм, и, несомненно, достижение цели в результате выполнения деятельности. С другой стороны, потенциал двойственного понимания КЦК – как ценности и как антиценности – создается на уровне онтогенетической и филогенетической эмпирики. Являясь категориальной основой формирования оценочных высказываний и выбора лексических средств их формирования, КЦК в то же время возникает в результате непосредственной оценочной деятельности, носящей функциональный характер. Таким образом, в формировании КЦК тесно сливаются в единый такие подходы к изучению оценки и ценности, как функциональный и деятельностный, что свидетельствует о релевантности комплексного функционально-деятельностного подхода к изучению оценочной категоризации языка.

Не являются КЦК концепты, воспринимаемые как ценности в условиях одного социума, но понимаемые как своего рода «антиценности» или вообще не входящие в

ценностную парадигму в условиях иного социума со своей историей, привычками, нравами, традициями. Последние являются концептуальными лакунами социально-исторического плана. Отмечая отсутствие в русском языке лексемы, соответствующей английскому слову *privacy*, З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают, что в принципе возможны калькированные переводы подобных концептов (так, слово *privacy* часто калькируют как *приватность*) [5: 44]. Однако лакуна вследствие такого перевода не исчезает, поскольку в русскоязычной картине ценностей такого концепта не существует.

Таким образом, на статус лексемы в качестве средства языкового обозначения КЦК накладываются определенные ограничения. И хотя эти ограничения способны сниматься в определенных контекстах, вokkaциональном употреблении, для категориально-ценностного статуса лексемы не должно быть допусков подобного рода. Они имеют достаточно однородные в семантическом плане соответствия в разных языках, что продиктовано единством их концептуальных оснований.

Говоря о лексеме как основном средстве отражения КЦК, следует подчеркнуть, что эти концепты не испытывают непосредственного влияния ситуации, в которой происходит оценочная концептуализация. Они не зависят и от индивидуального или коллективного субъекта оценки. Тем не менее, влияние ситуации на формирование и структуру соотношения данных концептов между собой происходит через деятельность, которая не может разворачиваться вне какой-то ситуации. Такое косвенное влияние проявляется в том, что КЦК не дифференцируются столь четко, как концепты базового и генерализованного уровня предметной категоризации. Границы между ними диффузны, что обусловлено матричным механизмом формирования таких концептов.

Деятельностная категория стимула как совокупности потребностей в определенном с точки зрения субъекта мысли и оценочного высказывания действии, четко или нечетко осмысленных мотивов к выполнению такой деятельности и, в конечном счете, готовности к ее выполнению сама по себе носит комплексный характер, поскольку состоит из достаточно большого числа компонентов, объединенных общей структурой психологического характера. Но стимул сочетает в себе как внешние, так и внутренние по отношению к сознанию человека признаки. Все они могут реализоваться лишь в том случае, если у субъекта высказывания имеется интерес к данной деятельности или каким-то отдельным действиям, осуществляемым в ее рамках. Таким образом, КЦК **«интерес»** является непосредственной базой репрезентации стимула в сознании субъекта оценочного суждения и оценочного высказывания.

Следующая стадия деятельности, и тем самым деятельностная категория средств, обладает такой неотъемлемой характеристикой, как **«значение»**. По сравнению с соотношением **«стимул – интерес»**, где статус двух концептов-категорий в их взаимосвязи в современной психологии определен не до конца, соотношение **«средства – значение»** является более определенным, поскольку они связаны отношением посессивности: средства имеют значение и как общепредметные референты, и как функциональные аксиологические единицы.

Если соотношение **«стимул – средства»** как этапы деятельности последовательно во времени, то, с одной стороны, понятия **«интерес»** и **«значение»** применимы как к характеристике стимула, так и к характеристике средств. Действительно, стимул важен, следовательно, он имеет значение для индивида-субъекта действия. В то же время определенные средства находятся в той концептосфере, которая вызывает интерес субъекта действия. К тому же интерес и значение неотделимы друг от друга. Интерес может проявляться лишь к вещам, значимым для индивида, а значение вещи приобретают, если они лежат в сфере интересов субъекта действия и познания. Тем самым **«интерес»** и **«значение»** не столь дискретны, как этапы деятельности, каузирующие их.

Следующий этап деятельности – алгоритм – представляет собой некую объективно или субъективно установленную последовательность. В объективных алгоритмах деятельности обычно последовательность действий или состояний вполне прогнози-

руема, что обусловлено жизненным опытом членов общества, наблюдающих данную деятельность или принимающих непосредственное участие в ней.

Дело с конвенциональными и субъективными алгоритмами обстоит сложнее. Конвенциональные алгоритмы более предсказуемы, чем субъективные. Но и в этой сфере возможны отклонения. Так, мигание правого подфарника автомобиля заставляет других водителей и пешеходов думать, что автомобиль свернет направо, однако, возможно, водитель просто забыл выключить сигнал поворота, который он выполнял до этого. И, конечно, в сфере субъективного поведения едва ли можно говорить о полной предсказуемости. Даже зная человека многие годы, мы часто удивляемся, когда он совершает поступки, несвойственные ему. Все алгоритмические функции в мышлении берет на себя концепт, обозначаемый в русском языке словом **«порядок»**.

Заключительная стадия деятельности – продукт как интеллектуальная репрезентация отражена в концепте **«результат»**. Именно эта стадия и соответственно данный концепт показывают, состоялась ли деятельность вообще, и если состоялась, то к каким качественным, количественным и прочим показателям эта деятельность привела ее субъекта. Значение этой стадии трудно переоценить. Это выражается в том, что практически в любом языке большое количество фразеологических единиц, и в частности пословиц и поговорок, посвящено именно этой стадии деятельности, отраженной в КЦК **«результат»**. Это известные русские поговорки «Конец – делу венец», «Кончил дело – гуляй смело», английские поговорки «All is well that ends well», «Good beginning makes good ending» и др.

«Результат» как концепт также находится в отношениях взаимной комплементарности с другими КЦК. Как подчеркивалось, он является комплексным объектом и проявления интереса, и данностью, имеющей определенное значение для субъекта деятельности или людей, квалифицирующих эту деятельность, и выбора соответствующего алгоритма действий, соотношенного с такой важной характеристикой оценочной категоризации, как норматив, через концепт **«порядок»**. **«Результат»** так же, как и другие КЦК, апеллирует к различным стадиям деятельности.

В заключение обоснования онтологии, статуса и взаимоотношений КЦК между собой и различными стадиями деятельности следует подчеркнуть следующие важные моменты. Термин «категориальный ценностный концепт (КЦК)» носит относительный характер, поскольку, как нетрудно заметить, концепты **«интерес»**, **«значение»**, **«порядок»** и **«результат»** являются ключевыми ментальными категориями не только для изучения оценочной категоризации. Они применимы для характеристики практически всех явлений, связанных с формированием мысли и порождением высказывания или текста. Эти четыре концепта одновременно характеризуют иллокутивный и перлокутивный речевые акты, поскольку интерес порождает иллокутивное намерение, значение определяет связь высказывания с объективной реальностью, порядок формирует синтаксическую структуру высказывания, а результат одновременно завершает экспликацию иллокуции и создает перлокутивный эффект, тем самым готовя почву для последующих высказываний, а на их основе – и дискурса в целом. В данном случае эти концепты объединяются указанным термином лишь для того, чтобы показать, что именно они лежат в основе ценностной и оценочной категоризации в языке.

Вторым важным моментом, характеризующим данные концепты, является тот факт, что как категориальные образования эти концепты существуют вне оценочного знака, вне грамматических категорий, вне временной соотношенности высказывания с действительностью, вне дискретности основных сфер человеческого интеллекта, вне категорий количества и качества. Очевидно, что эти концепты существуют и вне пространства определенного языка. Они вступают во взаимодействие с этими категориями лишь при приближении к реальности, лишь при их соотношенности с конкретной, актуально имеющей место, ситуацией реальности или плода фантазии, или, по крайней мере, с типизированной, обобщенной ситуацией. Таким образом, ценностными эти концепты становятся при погружении в ситуацию.

Выведение КЦК как опорных сущностей для формирования и функционирования ценностной и оценочной категоризации является только одной важной частью общего процесса закрепления с целью дальнейшего использования семиотического

аксиологического опыта языкового социума, образно говоря, только одним крылом языковой оценочной категоризации. Этими концептами представлена только деятельностная сторона формирования оценки и ценностного опыта. Другой не менее важной составляющей этого процесса является функциональная сторона формирования оценочных суждений и ценностных концептов. Такое второе крыло лингвоаксиологической категоризации представлено комплексными средствами основной логической операции, используемой для формирования оценочных суждений и высказываний, – сравнения. Поэтому для выяснения особенностей формирования основных ценностных концептов языка следует обратиться к анализу взаимодействия функциональной и категориальной сторон языковой оценочной деятельности. Как представляется, такие особенности детерминируются системой семантических механизмов перевода предметных признаков в качественные, подлежащие в дальнейшем квалификативно-оценочной переработке. Эти механизмы в данной работе понимаются как принципы ценностной категоризации. Остановимся на них подробнее.

Известная истина, уже не ассоциируемая с кем-либо из мыслителей прошлых веков, гласит: «Все познается в сравнении». Несмотря на некоторую гиперболизацию роли сравнения в процессе познания мира, в целом следует признать, что сравнение лежит, по крайней мере, в основе такого познания.

На первый взгляд, механизм сравнения достаточно прост. Он совпадает в целом с процессом приобретения опыта. Сталкиваясь с отдельными феноменами реальности, человек находит их общие и дифференциальные признаки, соединяет различные явления в эмпирические парадигмы и тем самым разносит сведения об этих явлениях по разным рубрикам сознания с последующим закреплением их в памяти.

Статус сравнения как основной операции аксиологического познания позволяет определить его как функциональную основу формирования ценностных концептов и оценочных суждений в противовес его онтологической основе – деятельности.

Как и деятельность, сравнение неоднородно, но, в отличие от деятельности, основные стадии которой дифференцируются, в первую очередь, по временному принципу, сравнение имеет разновидности, которые нельзя назвать синхронными, поскольку сравнение лежит вне временной плоскости. Именно в его несубординативности онтологическим категориям времени и пространства и состоит его категориальная основа.

В то же время сравнение является свойством только высокоразвитого мышления, способного от общего созерцания перейти к абстрактному мышлению. Поскольку в масштабах имеющегося у человечества знания таким условиям удовлетворяет только человек, то можно сказать, что первой важнейшей характеристикой сравнения является его антропоцентризм. Антропоцентризм сравнения имеет два основных параметра с точки зрения теории информации. Во-первых, сравнение происходит в сознании человека. Во-вторых, сравнение нацелено на другого человека или коллектив, которые являются адресатом(ами) сравнения. В-третьих, сравнение требует обязательной экспликации, которая возможна только в языковой форме, а механизм экспликации в виде естественного языка присущ только человеку. Тем самым наряду с антропоцентрической природой сравнения существует ее вторая важнейшая характеристика: сравнение функционально лишь при наличии языковой системы как средства отражения абстрактного мышления.

Применительно к процессу формирования ценностного опыта сравнение неоднородно по следующим параметрам.

Как уже было сказано, сравнение как операция мышления в своей основе антропоцентрично. Но сравнение может устояться в общественном сознании лишь в результате его многократного употребления, многократного функционирования, а рождается оно в одном отдельно взятом сознании. В ходе такой операции субъект соотносит себя с окружающим миром и другими людьми. Тем самым одной из важнейших характеристик сравнения является дихотомия «Я/Ego vs другие». Несомненно, второе лицо (категория «Ты») является важным компонентом коммуникации, но он реален лишь при непосредственном наличии адресата сообщения (с учетом также такой

функционально-стилистической категории, как «установка на читателя», при которой не обязателен непосредственный контакт адресанта и адресата информации [4, 230–234]), а, скажем, во внутренней речи эта категория отсутствует. В то же время противопоставление «Я» «Другому» дает субъекту оценки обширные возможности ее варьирования. Как подчеркивает А.В. Кравченко, «класс объектов, образующих третью категорию [«Я» против «всего остального». – И.Ч., О.П.], представляет собой открытое, потенциально бесконечно предметное множество» [3, 156].

Являясь операцией мышления, сравнение служит выполнению определенных целей и тем самым носит инструментальный характер. Сравнение является средством, а не целью. Оно необходимо либо для учебных целей, либо для прочих целей демонстрации какого-то явления (например, проведение аналогии между двумя явлениями, которые связаны общей реальной или типовой ситуацией), либо для создания образной экспрессии (в речевых актах, как стилистическое средство) и т.п. Это означает, что операции сравнения подлежат вещи одного порядка (например, связанные общим родовым показателем в системе некоей иерархии, либо однородные или вызывающие сходные ассоциации действия людей, существ или сил природы или же одинаковые по какому-либо параметру явления действительности). Собственно говоря, инструментальная характеристика сравнения является общекогнитивной, свойственной не только ценностной категоризации и оценочному функционированию.

Материал для сравнения не появляется сам по себе, а берется из прошедшего социального или индивидуального опыта. При этом сравнение ориентировано на какой-то факт действительности, потому что необходимость экспликации материала сравнения языковыми средствами требует их наличия в общем тезаурусе как адресанта, так и адресата сообщения. Оно возможно лишь при условии, что оба главных участника акта передачи информационного сообщения имеют понятие о тех вещах, которые представлены как средства передачи сравнения, а это, в свою очередь, возможно лишь при условии существования этих вещей в объективной или объективизированной (виртуальной) реальности. Под объективизированной, или виртуальной, реальностью в рамках данного исследования мы понимаем созданный воображением или фантазией творческого субъекта возможный мир [2], совпадающий с наиболее общими законами объективной реальности или, по крайней мере, не противоречащий его восприятию людьми, отличными от субъекта создания виртуального мира, как совокупности возможно реально происходящих, происходивших или будущих событий. Так, например, если мы и не верим, то, по крайней мере, воспринимаем факт семейной трагедии Алексея и Анны Карениных и Сомса и Ирен Форсайт как вполне возможный, хотя понимаем, что в реальности их не существовало. Были, возможно, люди с другими именами, несколько иными линиями судеб, и на этих основаниях (или, как принято говорить, по мотивам этих событий) Л.Н. Толстой и Дж. Голсуорси создали свои бессмертные произведения. Тем не менее, мы как бы верим в существование этих людей, в их личностные качества. Таким образом, сравнение обязательно или объективно, или объективировано.

Говоря, что сравнение функционально, не следует забывать и о том, что функция является совокупностью поставленных целей и их реализации [4, 8]. Поэтому и сравнение рассчитано не только на постановку субъектом какой-то цели, которая должна быть достигнута от его использования, но и на достижение определенного эффекта от его использования. С точки зрения лингвопрагматики в использовании сравнения совмещены и иллокутивный, и перлокутивный речевые акты. Но если расчленить цельное высказывание как род деятельности, то получится, что иллокутивная сторона высказывания включает в себя постановку цели, выбор средств и определенного алгоритма речевого воздействия, тогда как перлокутивная сторона рассчитана уже на результат. Однако с завершением действия или деятельности как кванта в пределах более обширной деятельности взаимодействие между адресантом и адресатом информации в форме речевого сравнения не исчезает в никуда. В результате любого высказывания (в том числе и сравнения) отношения между участниками речевого акта могут либо прерваться без восстановления (в случае нарушения известных постулатов Грайса), либо улучшиться, либо ухудшиться с сохранением возможности дальнейшего

общения (наиболее общие случаи), либо остаться без изменений. Таким образом, при построении высказывания со сравнением говорящий уже прогнозирует эффект от данного высказывания, характер дальнейшего общения с адресатом в его логико-семантической основе. Таким образом, сравнение прогностично. Фиксируя окончание одной деятельности, субъект мышления уже намечает перспективы развития другого, смежного с данным или каузируемого им кванта действия или деятельности.

В результате рассмотренных особенностей сравнения как операции деятельностного мышления можно сформулировать следующие характерные особенности сравнения:

индивидуальность в плане его порождения, т.е. сравнение – это всегда плод индивидуального сознания, а в коллективный узус оно входит после его предъявления данным индивидом в знаковой форме;

инструментальный характер сравнения;

объективированность;

прогностичность.

Данные онтологические свойства сравнения как мыслительной операции обуславливают и его функциональные характеристики, особенно проявляющиеся при формировании оценочных высказываний. В частности, индивидуализм сравнения предполагает, что в сознании субъекта оценочного высказывания существует своего рода компаративный дуализм, который можно представить в виде вопроса «Что думаю я и что думают другие об этом факте действительности или сознания?». Но такой вопрос на практике ставится индивидом в крайне редких случаях. Обычно, и особенно при формировании оценочного суждения, мы полагаемся на собственное сознание с его индивидуальным опытом, со своей особой историей развития, со своими убеждениями, предрассудками, симпатиями и антипатиями. Как остроумно отмечает Н.Д. Арутюнова, «объекты мнений и утверждений не утрачивают связи с "хозяйном" (говорящим). Объекты же знаний не имеют владельцев – факт быстро эмансипируется от того, кто его установил» [1, 152]. Такое функциональное свойство аксиологического сравнения можно назвать «соотношение Я с миром».

Инструментализм сравнения в оценочном суждении выражается в том, что индивид ищет соответствующие средства для реализации действия или деятельности. Но при этом он не берет первую попавшуюся под руку вещь или первое пришедшее на ум слово. Он соотносит характеристики средства с целью, алгоритмом и прогнозируемым результатом, выявляет степень адекватности средств прочим параметрам деятельности. Для этого он ищет в сознании эквивалент средства, которое необходимо для решения поставленных задач. Понятие эквивалентности, несомненно, шире, нежели функциональная замена одних вещей другими. Именно поиск эквивалента как разновидность сравнения тесно связана с такой важной категорией оценки в сознании и в языке, как норматив.

По справедливому утверждению Н.Д. Арутюновой, «оценка производится не в рамках естественного класса, а в рамках потребительского класса» [1, 55]. Нельзя отождествлять оценочную констатацию с констатацией факта реальности. Но в то же время надо иметь в виду и следующее ее замечание: «Оценочное значение обусловлено фактическими свойствами предмета в той мере, в какой оно ими мотивируется» [1, 57]. Оценка – это уже выход в виртуальный мир, но этот выход осуществляется, поскольку автор оценочного суждения отталкивается от реальности. Поэтому в изложении своих взглядов на проблему в форме оценочных высказываний он ориентируется на реальность, он апеллирует к реальности, он подает свое мнение как объективную истину. Тем самым по своим функциональным характеристикам оценка и оценочное сравнение ориентированы на соответствие оценочного суждения и актуализируемого на его основе оценочного высказывания истине.

Наконец, прогностичность как свойство сравнения находит следующее выражение в его функциональных характеристиках в сфере ценности и оценки. Субъект оценки видит определенное положение дел, находящихся в сфере его интересов, независимо от того, реализуются ли они согласно его личным предпочтениям или нет. Исходя

из анализа текущей ситуации, он заранее прогнозирует возможные стратегии комплекса поведенческих действий, в том числе и речевых. Имея определенный опыт, даже в новой для себя ситуации субъект может более или менее точно прогнозировать последствия своих актуальных действий и принимать на этих основаниях определенное решение. Поэтому важной функциональной чертой оценочного сравнения является поиск решений.

Как и категориальные ценностные концепты, функционально-оценочные свойства оценочного сравнения связаны между собой отношениями взаимозависимости и взаимообусловленности. Ego предполагает поиск адекватных или эквивалентных средств для решения поставленных задач, Ego квалифицирует свои действия как единственно правильные, Ego стремится завершить определенную (в том числе и оценочную речевую) деятельность так, чтобы получить наиболее оптимальную для себя перспективу. Эквивалентность выбора средств обусловлена устремлениями субъекта оценочного сравнения, она предполагает определенный, учитывающий реальные условия порядок действий и достижение оптимального результата. Соответствие оценочного высказывания истине подается его субъектом как таковое. Соответствие истине предполагает и наличие адекватных средств совершения действий или деятельности в оценочной дескрипции. Соответствие истине также ориентировано на *реальные* результаты, которые субъект оценки ожидает. Наконец, поиск решений заложен с самого начала оценочно-мыслительной и оценочно-речевой деятельности индивида – субъекта оценки.

Обращает на себя внимание пропорциональность отношений категориальных свойств деятельности и основных характеристик сравнения как основы формирования оценочных суждений и высказываний. Обе когнитивные сферы состоят из четырех основных дискретных компонентов, каждый из этих компонентов обуславливает определенную ценностную (с позиций деятельности) и оценочную (со стороны функциональной) категориальную характеристику, причем каждая из них связана с другими тремя отношениями взаимозависимости и взаимодополняемости. Но, пожалуй, важнейшей особенностью этой пропорциональности является семантическое соответствие определенного КЦК определенной разновидности оценочного сравнения. Так, КЦК **«интерес»** явно исходит из Ego субъекта оценки, и в то же время Ego имеет определенные индивидуальные интересы. КЦК **«значение»** предполагает поиск эквивалента, но в то же время значение само по себе является эквивалентом явления действительности или сознания в мышлении и речи. КЦК **«порядок»** предполагает действия согласно нормативам и правилам, которые эксплицируются субъектом оценки как истинные, и в то же время истина предполагает определенный порядок вещей, действий, состояний. Что же касается КЦК **«результат»**, то его связь с прогнозом последующей деятельности является очевидной, поскольку невозможно прогнозировать что-либо в дальнейшем, не зная или не видя результата. Результат тесно связан и с поиском решений по его достижению, и с планированием последующих действий в перспективе жизнедеятельности индивида.

Таким образом, основные категории (или стадии, фазы, этапы) деятельности как объекта оценочного суждения, эксплицируемого в форме речевого высказывания, отраженные в категориально-ценностных концептах, и основные характеристики операции сравнения, отраженные в функциональных операциях поиска, соотносятся следующим образом.

Деятельностная сторона	↔	Функциональная сторона
Стимул → Интерес	↔	Ego-ориентация ← Антропоцентричность
Средства → Значение	↔	Поиск эквивалентов ← Инструментальность
Алгоритм → Порядок	↔	Поиск соответствия ← Объективированность
Достижение → Результат	↔	Поиск решений ← Прогностичность

Такое пересечение едва ли случайно. Пропорциональность деятельностных и функциональных характеристик оценочного высказывания составляет в то же время и онтологическую основу порождения основных ценностных концептов на основе функционально-оценочного использования единиц языка и речи. Таким образом, пересечение деятельностной и функциональной сторон ценности и оценки как вида деятельности и как логического действия и создает основные, опорные движущие силы, инициирующие процесс создания ценностных категорий, составляющие костяк концептуально-ценностной системы и дающие возможность ее научного описания в логико-философских терминах и фундамент для изучения общих оснований ценностных потенциалов языковых единиц к их реализации в оценочных речевых единицах. Иными словами, функционально-деятельностный подход к пониманию ценности и оценки как данностей абстрактного мышления, способного реализоваться в виде конкретных единиц в определенной ситуации действительности, является достаточно надежным методологическим основанием изучения принципов и механизма формирования оценочно-квалификативных структур в речи индивида, группы и социума в пределах определенного языкового коллектива.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М., 1988.
2. Гудмен Н. Семантика возможных миров. М., 2002.
3. Кравченко А.В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. 2-е изд., испр. Иркутск, 2004.
4. Мороховский А.Н. и др. Стилистика английского языка. Киев, 1991.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. 2-е изд., стер Воронеж, 2002.
6. Чекулай И.В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка: Дис ... д-ра филол. наук. Белгород, 2006.
7. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность: В 3 кн. Кн. 1. М., 2005.

PRINCIPLES OF FUNCTIONAL-AND-ACTIVITY APPROACH TO VALUE CATEGORIZATION IN LANGUAGE AND SPEECH

I.V. Chekulay
O.N. Prohorova

Belgorod
State
University

e-mail:
prokhorova@bsu.edu.ru

The article deals with the search for methodological grounds of structuring value and evaluative experience of an individual speaking a certain language. The authors suggest namely the functional-and-activity approach to maintaining of both ontological and epistemological status of the value categories. The functional-and-activity approach to value categorization presupposes the synthesis of the activity as a divisible four-part continuum (stimulus – means – algorithm – achievement) and of the comparison as the main function of evaluative qualifying which is of four main constituents as well (anthropocentricity – instrumentality – objectivity – prognostics). The resulting synthesis gives the four main value-categorical domains – INTEREST-MEANING-ORDER-RESULT, – that constitute the grounds for value categories within the mind and thesaurus fields of lexical units reflecting values in the system of language and speech.

Keywords: concept, evaluation, value, evaluation concept, categorization.